

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Распутин В.Г. Не мог не проститься с Матерой // Литературная газета. – 1977. – 16 марта. – С. 11.
2. Распутин В.Г. Живи и помни. // Собр. соч.: В 3-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 117.

А. Kuzina

ART FUNCTIONS OF NATURAL IMAGES AND PICTURES IN THE STORY OF CENTURY RASPUTIN'S «LIVE AND RE-

MEMBER»

Abstract: In article functions of natural images and pictures in V. Rasputin's story «Live and remember». The author reveals composite, psychological, symbolical functions of natural images and pictures in disclosing of poetic-philosophical meditations of the author opening the moral and social parties of national way.

Key words: novel, natural images, symbolical functions.

УДК 82 (091)

Палий Е.Н.

РУССКАЯ САЛОННАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА*

Аннотация: Русский дворянский салон представлял собой сложную форму культурно-художественной жизни дворянской России первой половины XIX в., в которой соединяются серьезные, глубокие интересы с развлечением, личное с общественным, причем имеются в виду разные виды деятельности (литература, философия, музыка), но при этом каждый из видов деятельности не подавлял собой другую.

Ключевые слова: культура, ценности, философский, литературный, музыкальный, салон.

В первой половине XIX в. сопричастно культуре было только «тонкий слой образованной, мыслящей» его части. Все эти представители дворянского авангарда были создателями культурных ценностей, с ними было связано все лучшее, что заложено в России XVIII - XIX вв.

Примером столичного философского салона можно считать салон князя Владимира Федоровича Одоевского.

Научную литературу, посвященную русской салонной культуре, можно подразделить на относящуюся к периоду XIX – начала XX века и современную.

Изучение салонной культуры, как и культуры дворянства в целом, началось в середине XIX века. В этот период появился ряд книг и статей, посвященных отдельным представителям дворянской интел-

лигенции хозяевам салонов. Среди таких изданий работы П.И. Бартенева [1], Н.А. Белозёрской [2], М.А. Гаррис [3], Н. Фатова [4], которые носили описательный характер, анализ салонной культуры в них отсутствовал как таковой.

В XIX – начале XX в. вышел ряд работ, посвящённых истории дворянства в целом, в которых также затрагивались те или иные аспекты дворянской салонной культуры. Тогда же появилось несколько работ по истории технического образования в России. В них можно найти сведения о месте и роли гуманитарного образования и элементах салонной дворянской культуры в программах вузов.

Первые книги, посвящённые собственно салонной культуре, выходят в 20-е гг. XX в. Перу М.О. Гершензона принадлежит ряд работ, в которых поднимаются вопросы, близкие теме данного исследования [5]. Созданные на основе богатейшего материала, эти работы отмечены превосходным знанием старомосковского быта, тонкостью психологических характеристик, написаны с художественным блеском.

Анализируя современную литературу, посвященную теме исследования, следует отметить работы Ю.М. Лотмана. В них исследователь излагает результаты теоретического изучения русской культуры вообще и культуры XVIII-XIX вв., в частности. В его работах затрагиваются и вопросы салонной культуры, которую он рассматри-

* © Палий Е.Н.

вает как выражение быта и традиций русского дворянства.

В 1980-90-е гг. в целом возрос интерес к научному изучению истории русского дворянства, истории салонов. В этой связи появляются сборники трудов: «Материалы по истории русской культуры конца XVIII – первой половины XIX века»; работа «Культура и искусство России XIX века», включающая в себя новые материалы и исследования; сборник «Литература и искусство в системе культуры», работы А.Д. Сконечной, совместный труд М.Ф. Зезиной, Л.В. Кошман, В.С. Шульгина; работа В.Н. Касаткиной, монографии «Из истории русской культуры». Все эти исследования внесли большой вклад в изучение русской культуры. Однако тематика, связанная с салонной культурой, рассматривалась здесь достаточно поверхностно, как правило, в связи с историей дворянства.

В 1990-е гг. в области изучения московских литературных салонов первой половины XIX века весьма плодотворно работала И.В. Канторович. В них автор затрагивает обширную проблематику, связанную с русской салонной культурой, а именно: типологизацию салонов, выделение провинциальных салонов и анализ их особенностей, исследование литературно-музыкальных салонов, изучение деятельности отдельных салонов – А.П. Елагиной, Е.П. Ростопчиной, И.И. Шувалова и др. Вместе с тем здесь отсутствует целостная концепция салонной культуры.

Монография известного исследователя российской культуры Н.И. Яковкиной «История русской культуры: XIX век» [6], посвящена наиболее яркому и плодотворному периоду культурной жизни России XIX века. Историю дворянского быта первой половины XIX века освещает ее другая работа «Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции» [7]. В названных работах также в связи с раскрытием быта дворянства освещается проблематика салонной культуры.

В последние годы появилось множество работ, целиком или частично посвященных отдельным представителям русской дворянской интеллигенции, в том числе тем, кто непосредственно организовывал салоны. Авторы этих работ стремятся раскрыть специфические черты того или иного салона через личностные особенности его

хозяина (хозяйки), показав взаимосвязь индивидуальности организатора салона и деятельности последнего.

Имеется ряд работ, которые раскрывают те или иные важные стороны общественно-культурной, художественной жизни России XVIII-XIX вв., однако комплексное, многоаспектное изучение деятельности салонов, их анализ как феноменов отечественной культуры с позиции традиций и наследования в современности предпринято впервые в настоящем диссертационном исследовании «Салон как феномен культуры России XIX века: традиции и современность».

В отдельную группу можно выделить труды, посвященные деятельности литературно-музыкальных салонов. Среди них работы Н.Л. Бродского, А.И. Брудного, О.В. Глаголевой, В.В. Муравьева, Б.М. Эженбаума и др. Исследованию камерного любительского музицирования уделялось большое внимание в работах Е.Ю. Артемовой, Б.В. Асафьева, М.А. Герасимовой-Персидской, Б.В. Доброховой, Е.И. Мокряк, Д.В. Сарабьянова, Л.П. Смирнова; Е.М. Сраго, В.И. Шередеги и В.С. Турчина и др.

В той или иной мере вопросы, связанные с деятельностью литературно-музыкальных салонов, рассматривались в трудах, посвященных работе культурно-просветительских учреждений (А.И. Арнольдов, Ю.А. Стрельцов, В.Е. Триодина и пр.).

Однако в них исследуется лишь одно из направлений деятельности салонов – литературно-музыкальные салоны, авторы не анализируют само понятие салонной культуры.

Изучение салонной культуры поднимает и более общую тему, связанную с процессами культурного наследования, которая исследовалась в работах И.Г. Гердера, Ж. Маритена, Г. Риккерта, А. Тойнби, Й. Хейзинга, М. Шелера, О. Шпенглера, Э. Фромма, К. Ясперса, В.Ф. Асмуса, Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, А.И. Ильина, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и др. Из современных авторов следует назвать работы Л.М. Баткина, В.С. Библера, М.Н. Громова, П.С. Гуревича, Ю.Н. Давыдова, И.К. Кучмаевой, А.К. Коненковой, Ю.М. Лотмана, Э.С. Маркаряна, М.А. Маслина, В.М. Межуева, В.И. Мельника, В.Р. Расторгуева, Э.Ю. Соловьева, П.С. Сорокина, В.И. Шамшурина и др.

Итак, проведенный анализ научной разработанности темы исследования показал, что салонная культура практически не изучалась как целостное культурологическое явление, отсутствуют и ее четкие определения; большинство работ построено на обобщении эмпирического материала без глубоких теоретических выводов; для многих авторов тема салонной культуры имела сопутствующий характер (например, в связи с историей дворянства или русской культуры вообще); в ряде работ дается односторонняя оценка салонной культуры (в угоду идеологическим установкам или имеющимся стереотипам; отсутствует и типологизация салонов, практически не проанализирована динамика развития салонной культуры).

Целью исследования явилось изучение средствами культурологического анализа сущностных черт, функций, динамики русской салонной культуры в период ее наивысшего расцвета в XIX веке, а также значение ее места и значения в процессах культурного наследования.

Русский дворянский салон представлял собой сложную форму культурно-художественной жизни дворянской России первой половины XIX в., в которой соединяются серьезные, глубокие интересы с развлечением, личное с общественным, причем имеются в виду разные виды деятельности (литература, философия, музыка), но при этом каждый из видов деятельности не подавлял собой другую. Личность хозяина салона как частного собственника городского дома или усадьбы, где салон функционировал, накладывала своеобразную печать на его деятельность.

В первой половине XIX в. сопричастно культуре было только, по выражению Н.Я. Эйдельмана, «тонкий слой образованной, мыслящей» его части. Все эти представители дворянского авангарда были создателями культурных ценностей, с ними было связано все лучшее, что заложено в России XVIII – XIX вв.

Любое культурологическое явление, в том числе и салонная русская культура, должно критически восприниматься и оцениваться с позиций современного культурного наследования. Нельзя не видеть следующих особенностей. Во-первых, неоднородность дворянства позволяет сделать вывод, что салонная культура связывалась

лишь с просвещенным дворянством, дворянство же в целом нельзя переоценивать, преувеличивая его образованность, просвещенность.

Само салонное общество не всегда давало и верные, эстетически выверенные оценки того или иного произведения, будь то литература или музыка, живопись и пр. Салонное общество – это не общество экспертов, профессионалов в области искусства, напротив, оно, как и на Западе, было непрофессиональным.

Жеманность, утонченная спесь в обращении тоже характерная черта салонов. Если салонная культура провинции более простонародна, то аналогичная культура Петербурга достаточно эталонна в манерах и этикете.

Наблюдаемая ролевая дифференциация гостей в самом салоне могла надолго заклеить человека как «провинциала», «шута» и пр., т.е. вела к его унижительной оценке, от которой он не мог избавиться в течение всей своей жизни.

Поэтика светского поведения опиралась, прежде всего, на умение различать ряд базовых моделей, ряд масок и ролей, каждая из которых обладала своим особым ценностным статусом («провинциал», «маргинал», «денди», «законодатель салона», «шут» и пр.). Так, над «провинциалами» посмеивались, высмеивая, в первую очередь, их манеры, скованность в поведении, одновременно было сочувствие – и даже некоторый неподдельный интерес, провинциальная наивность притягивала. Иная позиция в светском обществе – позиция «маргинала». Его высказывания резки, на грани принятой нормы, он нарочито нарушает принятые правила этикета. Этот человек мог отличаться не только манерами, принятыми в свете, но и стремлением обсуждать те темы, которые не дают «легкого» разговора, не сочетаются с приятностью общения, а потому не приняты в салонах.

Примером столичного философского салона можно считать салон князя Владимира Федоровича Одоевского [8] (1804–1869) – государственного чиновника, известного беллетриста, публициста, механика-изобретателя, композитора и музыкально-общественного деятеля, который занимался изучением церковной и народной русской музыки, увлекался физикой,

математикой, философией.

В 1826 г. В.Ф. Одоевский переехал в Санкт-Петербург. М.П. Погодин вспоминал: «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые – литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей различных, часто даже неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они на нейтральной почве чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец, барон Шиллинг, воротившийся из Сибири, и живая, миловидная гр. Ростопчина, Глинка и проф. химии Гесс, Лермонтов и неуклюжий, но много знающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием. Беспристрастная личность хозяина действовала на гостей, которые становились и добрей, и снисходительней друг к другу» [9].

В гостиной на диване, по воспоминаниям В.А. Соллогуба, «Пушкин слушал... Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение, Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал гр. Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте. Тут прибывали все начинающие и подвигающиеся в области науки и искусства – посреди их хозяин дома то прислушивался к разговору, то поощрял дебютанта, то тихим своим добросердечным голосом делал свои замечания, всегда исполненный знания и незлобия. Таких домов мы знали четыре: Олениных, Карамзиных, Виельгорских и Одоевских» [10].

Владимир Федорович оставил после себя большое литературно-музыкальное наследие, интерес к которому существовал всегда [11].

Среди поздних, сделанных на склоне лет многочисленных заметок Владимира Федоровича, есть одна короткая запись, весьма примечательная. Он занес на бумагу ответ некоей дамы на вопрос, что есть де-

мократ. «Трудящийся аристократ есть уже демократ», – отвечала она. Записал Одоевский этот ответ, видно, не случайно – слова дамы были о нем, аристократе-труженике; так выстроил он свою жизнь смолоду, так подсказано было самой судьбой.

«По происхождению своему князь Одоевский стоял во главе всего русского дворянства, – писал Владимир Соллогуб. – Он это знал; но в душе его не было места для кичливости – в душе его было место только для любви». Спустя несколько десятилетий то же пронизательно подметил и американец Юджин Скайлер, переводчик Тургенева и Толстого, почувствовавший в «первом аристократе» России и «величайшего демократа».

Поэтому, наверное, и стезю трудящегося чиновника, избранную им не только «идейно», но и необходимо – как средство к существованию, и поприще литератора воспринимал Одоевский с горделивым достоинством – он все оставался потомком исторического рода, и ему не было нужды, как, скажем, Пушкину, с болезненным постоянством доказывать древнее свое дворянство. Пожалуй, этот особый демократизм и выделил его сразу из среды петербургских «литературных аристократов», куда он был принят как равный. Сам только встававший на ноги, он мог позволить себе не только открыто протягивать руку поддержки собратям по перу, без чинов и различий, но и делать это с широтой и постоянством. Вот отчего, по меткому замечанию Шевырева, на диване его пересидела вся русская литература.

Так складывались знаменитые «субботы». Они вовсе не являли собой бестолковое или даже претенциозное, как казалось иным, смешение «языков»: то была продуманная, принятая раз и навсегда жизненная позиция, одна из попыток ее «вовеществления». Внимательные посетители его вечеров улавливали это, и характерно, что наиболее чутко – люди следующего поколения, «сороковых».

«Субботы» Одоевского на долгие годы сделались примечательностью отнюдь не одной светской столичной жизни. Сменялись посетители салона, менялся и сам хозяин, но еженедельные его собрания все несли на себе отпечаток почти упрямого постоянства, верности «первородной» идее. Пробраз петербургских вечеров зародился –

или был сотворен – уже в московском Газетном переулке: высокий интеллектуальный накал лившихся здесь бесед, их многообразие и широта господствовавших интересов, даже причудливая, «декоративная» теснота «святилища» новоявленного Фауста. Все это перекочевало затем в столицу, приспособилось к новой жизни, пришло в окончательное соответствие с жизненными принципами.

Феномен салонной культуры принадлежит к числу тех, которые были незаслуженно вычеркнуты из культуры советского периода (опять же по идеологическим соображениям, поскольку салонная культура ассоциировалась, прежде всего, с культурой дворянства). Однако настало время подойти с позиций объективности к раскрытию этого явления.

Салонная культура зарождается в Европе и ее традиции возникают именно на почве европейской культуры. Расцвет салонной культуры происходит во Франции, где, собственно и формируются ее существенные признаки. К числу таких признаков можно отнести: особое место проведения – частный дом лица высшего круга (или лица, пользующегося особым уважением), что создавало обстановку камерности, комфорта и одновременно выходило за рамки обыденности, настраивая на высокое интеллектуальное общение. Для создания такой атмосферы использовалось буквально все: особый декор помещения, уютная мебель, предметы искусства и пр.

Следует подчеркнуть как специфический признак этой культуры и особую роль хозяина (хозяйки) салона. Как правило, это были высоко интеллектуальные, эрудированные люди, с развитым художественным вкусом, безупречными манерами, гостеприимные хозяева. Именно они определяли темы бесед, приглашали гостей – словом, делали все, чтобы в салоне было интересно.

Важен и состав гостей: это было избранное общество, стремящееся к духовному общению, любящее искусство, философию (слово «избранность» здесь более подчеркивает не социальную принадлежность к высшему кругу, а особую эстетическую предрасположенность к высокому искусству).

Нельзя не отметить и такой существенный признак салонной культуры, как

занятия, то есть то, чем занимались в салонах. Безусловно, это, в первую очередь, интеллектуальное общение (обсуждение тем искусства, философии, политики). Поскольку аудитория была достаточно подготовленной, постольку и суждения, высказываемые гостями и хозяином, были весьма компетентными, профессиональными. Писатели, художники, поэты, музыканты, композиторы стремились исполнить свои произведения именно в салонах, чтобы получить компетентную оценку. И если салонная публика горячо приветствовала исполненное произведение, то можно было в дальнейшем выходить и на широкую публику.

Кроме того, много времени уделялось занятиям искусствам (можно было как слушать приглашенных певцов, музыкантов, писателей, поэтов и пр., так и самим музицировать, спеть, поучаствовать в спектакле и пр.). Человек мог реализовать себя в искусстве, получить поддержку.

Одновременно времяпрепровождение в салоне – это и развлечение, возможность отдохнуть. Нельзя не отметить и модели игрового поведения, имевшего место в салоне (будь то использование псевдонимов, взятых из греческой мифологии, требование говорить исключительно стихами и пр.).

Наконец, еще одна существенная черта салона – использовавшиеся правила этикета, общения (они могли быть более или менее строгими в разных типах салонов).

Важен и состав гостей: это было избранное общество, стремящееся к духовному общению, любящее искусство, философию (слово «избранность» здесь более подчеркивает не социальную принадлежность к высшему кругу, а к особую эстетическую предрасположенность к высокому искусству).

Следует подчеркнуть, что не все дворянство, а лишь его самая образованная часть, была вовлечена в салонную культуру. При этом сама салонная культура служила процессам социальной и культурной идентификации дворянского сословия. Эта особенность – характерная черта именно русской салонной культуры. Отсюда ее особая роль в транслировании определенных образцов поведения, да и образа мысли.

Русский аристократ XIX века – это совершенно особый тип личности. Весь стиль его жизни, манера поведения, даже

внешний облик несли на себе отпечаток определенной культурной традиции, как правило, заложенной в салонной культуре. Так называемый *bon ton* состоял в органическом единстве этических и этикетных норм, сформированных в салонах. Однако именно этот элемент салонной культуры, на наш взгляд, требует существенного пересмотра. Поскольку этикетная сторона салонной культуры во многом не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Среди оригинальных черт русской салонной культуры и такой феномен, как салонная культура усадьбы, которая превратилась в культурный центр. Она отличалась от салонной культуры высшей знати Петербурга, да и московских салонов. Следует отметить и специфику целого ряда тем, которые обсуждались в российских салонах (например, дискуссии о романтизме, которые проходили в первой трети XIX вв. или дискуссии между западниками и славянофилами, связанные с путями развития России и ее исторической миссии и пр.). Обсуждаемую тематику можно определить как сплетение, взаимодействие философии, литературы, музыки как основы салонного общения, а чуть позже сюда добавится и политика.

Таким образом, русские салоны XVIII – начала XIX века в основном можно характеризовать как дворянские по своему социальному составу. Однако уже тогда их можно было подразделять на аристократические и более демократические. Как правило, демократический салон был сориентирован на профессионалов – профессионального художника, музыканта или литератора. Иногда такое разделение выглядело условным (например, в доме князя В.Ф. Одоевского было два салона – демократический и аристократический).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартенев П.И. И.И. Шувалов. – М., 1855; Бартенев П.И. А.П. Елагина // РА. – 1877. – Т. 2.
2. Белозерская Н.А. Княгиня Зинаида Александровна Волконская // ИВ. – 1897. – № 3. – С. 939-972.
3. Гаррис М.А. Зинаида Волконская и её время. – М., 1906.
4. Фатов Н. Любовь и смерть Д.В. Веневитинова. – Варшава, 1914.
5. Гершензон М.О. Исторические записки: (О русском обществе). – М., 1910; Гершензон М.О. История молодой России. – М., Пг., 1923; Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. – М., 1989.
6. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век. – СПб., 2000.
7. Яковкина Н.И. Русское дворянство первой половины XIX века: Быт и традиции. – СПб., 2002.
8. Он родился в 1804 году в Москве, получил образование в Благородном пансионе при Московском университете, был одним из основателей Общества Любомудров, объединившего молодых философов-шеллингианцев. В 1826 году, женившись, он переезжает в Петербург, где поступает на службу в Цензурный комитет Министерства иностранных дел. В 1830-е годы Одоевский приобретает известность как беллетрист и публицист. В 1849 году он становится заместителем директора Императорской Публичной библиотеки, а также директором Румянцевского музея. В 1861 году музей был переведен в Москву, и Одоевский в начале 1862-го возвратился в древнюю столицу, где и прожил до конца своих дней.
9. Погодин М.П. Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском. «В память о кн. В.Ф. Одоевском». – М., 1869. – С. 56.
10. Соллогуб В.А. Воспоминания о князе В.Ф. Одоевском. «В память о кн. В.Ф. Одоевском». – М., 1869. – С. 90.
11. Важным этапом его освоения стал, в частности, 1935 год, когда в серии «Литературное наследство» была опубликована большая выборка из Дневника Одоевского, отражавшая, в основном, его взгляды на общественно-политическую жизнь России. Что же касается музыкальной стороны наследия князя, то к 1940-му году была написана монография Г.Б. Бернандта, но труд, получивший отрицательную оценку рецензентов, не был опубликован. В 1952 году диссертацию на тему «В.Ф. Одоевский – музыкальный критик» защитил Б.Б. Грановский, но и эта работа, сохранившаяся в рукописи, не увидела свет. Наконец, в 1956 году был издан «оставленный Г.Б. Бернандтом том «Музыкально-литературное наследие», в котором представлены музыкально-критические статьи Одоевского, его избранные письма, фрагменты некоторых незаконченных работ.

E. Paliy

THE RUSSIAN CULTURE SALON OF THE XIX CENTURY

Abstract: The Russian nobility salon was represented by a complex form of the cultural-artistic life of the Russian nobility at the first half of the XIX century which combined se-

rious and deep interests with entertainment, personal and social matter, assuming different kinds of activities (literature, philosophy, music). None of these activities suppressed the other. The personality of the salon master

as the private proprietor of the city house or an estate where the salon was functioning set a peculiar seal on its activity.

Key words: culture, values, philosophical, literary, musical, salon.

УДК 82-32

Серафимова В.Д.

В ПОИСКАХ КОНСТАНТ БЫТИЯ. «ЛАЗ», «ПРЕДТЕЧА», «ОТСТАВШИЙ» В. МАКАНИНА, «НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ (ХРОНИКА КОНЦА XX ВЕКА)» Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ*

Аннотация: В статье на примере анализа произведений современной литературы показаны преемственность и развитие традиций русской классики: героям свойственны поиски смысла жизни, константы бытия.

Ключевые слова: преемственность, традиции, поиски смысла жизни, константы бытия.

Литературу конца XX – начала XXI в. современные литературоведы рассматривают как диалог с хаосом, абсурдом, со всех сторон обступающим человека, как диалог, целью которого является постижение алогичных законов, поиски телеологической связанности, «связи сущего» (В. Иванов), и восстановление космоса. Подчеркнем, что слово «космос» употребляется нами не в научном смысле – «пространство, простирающееся за пределами земной атмосферы» [1], а в древнем его значении – красоты, осмысленности Вселенной, как мироздания, творения, «отделения света от тьмы в день второй» (Библия. Бытие. Кн. Моисея. 1/1–10).

В осмыслении ценностных ориентиров творчества писателя мы исходим из доводов критика и литературоведа А. Бочарова: «Художественный мир может по-разному корреспондировать с процессами жизни, вбирая разные ее стороны, разные сплетения, важно лишь, чтобы он обогащал наше познание существенных сторон действительности, органично вписывался в более обширные сферы и закономерности

жизни» [2]. Для постижения всего спектра связей между личностью и действительностью в поисках констант бытия современные писатели прибегают к новому методу, выросшему на почве классического реализма и модернизма и обозначенному термином «постреализм» или «новый реализм» [3]. Генезис постреализма лежит в прозе А. Платонова, поэзии О. Мандельштама, М. Волошина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой. В их произведениях ученые вычленяют проступающие контуры нового конструктивного принципа, адекватного новой парадигме художественности: «В «Чевенгуре» и «Воронежских тетрадах», в «Поэме без героя» и «Спекторском» новая система принципов художественного освоения мира только-только начинала складываться. Но уже в них, в первых произведениях постреализма, вновь восстанавливался космос, космос из хаоса, открывающий цельность мира в его дискретности, единство и прочность – в отталкивании противоположностей, устойчивость – в самом процессе бесконечного движения. Космос, который открывался в первых произведениях постреализма, не успокаивал, но направлял сознание к пониманию происходящего и тем самым укреплял сопротивляемость человека не только казарменному единомыслию, но и духовному релятивизму» [4]. В плане поэтики реляционный подход был сформулирован Ю.М. Лотманом: «Предметом изображения являются не отдельные вещи, а система изображаемых явлений между собой и автора к их совокупности» [5].

В плане актуальности и вневремен-

* © Серафимова В.Д.